

ВЕСТНИК ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

1987

Серия 2

ИСТОРИЯ
ЯЗЫКОЗНАНИЕ
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ВЫПУСК 2

ВЕСТНИК ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ 2
ИСТОРИЯ,
ЯЗЫКОЗНАНИЕ,
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ВЫПУСК 2
(№ 9)
апрель
1987

Выходит 28 раз в год
по четыре выпуска в каждой серии

СОДЕРЖАНИЕ

История

- Комаров В. Г. «Правда»: значение и смыслы категории 3
Петрова А. А. Христофор Колумб и колониальная политика Испании 17
Кривошеев М. В. Исторические реалии в «Повести о Петре и Февронии» 23

Литературоведение

- Бурова И. И. «Виргинцы» в системе романов У. Теккерея (1850—1860) 30
Полякова Т. С. Роман Луи Гийу «Интимная тетрадь» (Луи Гийу и Анри Бар-
бюс) 33

Языкознание

- Дмитриев П. А. В. И. Ленин и советское языкознание 39
Воронкова Г. В. О фонологической трактовке ассимиляций в норвежском языке
Золотова В. С. Развитие категории отглагольных имен в польском литератур-
ном языке второй половины XVIII века 55
Чекалина Е. М. О системных отклонениях в сфере идеологизированной лексики
Филиппов К. А. Устная разговорная речь в исследованиях зарубежных герма-
нистов. II. 64
Хухунц Г. Т. Проблема языковой эволюции в освещении русских лингвистов
конца XIX — начала XX века (вопрос о «звуковых законах») 68
Прокопенко Е. М. К вопросу о фазовой модификации предложения и текста
(на материале испанского языка) 72

Краткие научные сообщения

- Мишанин Ю. А. Обзор печати как важное средство партийного руководства
прессой Мордовии в годы первых пятилеток 76
Брачев В. С. Киевская археографическая комиссия (1843—1917) 78
Колобков В. А. Деятельность Джерома Горсея в России (1588—1589) 81
Питулько Г. Н. Вопрос о торговых монополиях в английской публицистике на-
чала XVII века 85
Кондратьев С. В. Дискуссия о правовом статусе королевских прокламаций в
Англии в начале XVI века (Из истории борьбы парламента и судей об-
щего права с королевской властью) 89
Базиленко И. В. Из историографии беиханизма 92
Филиппов А. В. К вопросу о традиционном праве Японии 96
Вяткина С. В. К вопросу о становлении вставных конструкций в русском ли-
тературном языке 100

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Вестник
Ленинградского
университета, 1987 г.

²⁰ Ibid. P. 27.

²¹ Ibid.

²² Ibid. P. 29.

²³ Ibid. P. 30.

²⁴ Ibid. P. 32.

²⁵ Ibid.

²⁶ Ibid. P. 20.

²⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 27.

Статья поступила в редакцию 15 октября 1986 г.

А. В. Филиппов

Вестник ЛГУ. Сер. 2, 1987, вып. 2 (№ 9)

К ВОПРОСУ О ТРАДИЦИОННОМ ПРАВЕ ЯПОНИИ

Проблемы современного права Японии находят довольно широкое отражение в литературе, но при этом за пределами самой страны по-прежнему недостаточно исследованной остается история ее правовых традиций, которая крайне незначительно освещается в трудах советских и западных ученых. В этом смысле не теряют своей актуальности работа Нода Есиюки¹ как первый из трудов японских правоведов, адресованных европейцам, и книга Инако Цунэо², написанная специально для советского читателя, дополняет их переведенная у нас монография французского правоведа Р. Давида³. Изучение правовой традиции необходимо для уяснения развития собственно права, осознания процесса исторического развития, понимания национально-психологических особенностей характера японцев — и это лишь немногие из связанных с данной темой моментов. Цель данной статьи — освещение общей линии развития традиционного права Японии на примере законодательных памятников государственного значения.

Под традиционным правом Японии подразумевается письменное право до незавершенной буржуазной революции 1867—1868 гг., полностью находящееся в системе дальневосточного права и еще свободное от воздействия западных образцов. Это означает понимание традиции в праве как соединения черт и чисто японского происхождения, и заимствованного в пределах дальневосточного региона (чаще всего — китайского. Влиянием Китая практически и организовались внешние воздействия на право Японии до середины XIX в.). Так как самые ранние японские письменные источники датируются VII в., а записи обычного права отсутствуют, говорить о традиционном праве Японии представляется возможным лишь на основе права средневекового, уже целиком письменного. В истории традиционного права Японии выделяются три периода. *Первый* — VII—IX вв., период оформления феодальной государственности и централизованной монархии, которые и стали одними из основных причин обращения к законодательству Китая как страны с уже давно сложившимися юридическими и феодальными институтами. *Второй* период (X—XVI вв.) характеризуется ослаблением политической власти императора, утратой былого единства страны, восстанавливаемого лишь время от времени. При сёгунатах⁴ Минамото (1192—1333) и Асикага (1338—1573) на основе чисто местного права разрабатываются законодательные своды общегосударственного значения. Однако ведущая роль остается все-таки за правом отдельных княжеств, а не за кодексами центрального правительства. *Третий* период сначала характеризуется стабилизацией феодальных отношений (XVII—XVIII вв.), а затем их разложением (XVIII—середина XIX вв.) при сохранении политического единства в рамках сёгуната Токугава (1603—1867). В праве данного периода возобладала пространный мелочная регламентация этих отношений. Начиная со второго периода рецепция китайского права становится менее ощутимой в формальном аспекте, но зато куда более глубокой в сфере политико-идеологических основ правового регулирования.

Японское право до складывания в Японии феодального государства в VII в. было самобытным и обычным⁵, сливаясь в своих истоках с ранними религиозными и этическими представлениями жителей японских островов. Лишь с реформ Тайка (645) начинается открытый переход от обычного бесписьменного права к праву письменному с явной ориентацией на рецепцию китайских образцов. Знакомство японцев с рядом положений китайского уголовного права началось задолго до реформ Тайка, после которых начинается «резкое усиление процесса рецепции»⁶.

Первым документом, свидетельствующим о начале активного восприятия китайской культуры, следует считать «Конституцию из 17 статей» принца Сётоку 604 г. Это была по своей сути не конституция, а манифест, провозгласивший ориентацию на конфуцианство (а опосредованно и на ряд других философских учений, пришедших в Японию из Китая) при эклектическом сочетании его с идеями синтоистского культа. За «Конституцией» последовал «Манифест Тайка» 646 г.⁷, который определил основные принципы новой системы управления: государственная собственность на землю сменила наследственное родовое владение землей, была установлена государственная

надельная система и налогообложение, создана централизованная бюрократическая система, упразднен ряд категорий рабов. Оба документа призваны были служить целям упрочения императорской власти и создания централизованного государства прежде всего как политическая программа, что же касается их значения как документов юридических, то оно является второстепенным.

Реформы завершаются появлением двух дошедших до нас кодексов — Тайхо-рицурё 702 г.⁸ и Еро-рицурё 718—757 гт. (Уголовные и гражданские законы годов Тайхо и Еро), близких по своему содержанию и составленным на основе китайских кодексов династий Суй (581—618) и Тан (618—907). Рецепция китайского уголовного и гражданского права (*кит.* люйлян, *яп.* рицурё) означала для Японии переход к «правовому государству» (рицурё кокка) VIII—IX вв., иными словами к государству раннефеодальному, получившему отныне полное правовое оформление. Обращение к китайскому праву в период становления японского феодального государства, — по сути дела, аналогия широкой рецепции римского права в раннефеодальной Европе, но отличающаяся, по-видимому, большей глубиной и размахом. Приходится говорить о буквальном заимствовании значительного числа положений китайского законодательства, идущего параллельно с восприятием конфуцианской идеологии. Казалось бы, это дает возможность предположить существование в жизни японского общества до VII в. определенных соответствий целому ряду китайских реалий. Но хотя в Японии и раньше имели место заимствования ряда элементов китайской культуры, в целом это, конечно, было не так. Если в Китае эти кодексы основывались на исторической и правовой традиции, то в Японии наиболее существенной их опорой стала поддержка и вера в них правящих кругов. Китайские кодексы были тщательно проанализированы и переработаны с тем, чтобы обеспечить их максимальную пригодность нуждам японского общества. При восприятии танских образцов продолжалось и развитие типично японских законов. Прежде всего это была рецепция формы, накладывающая отпечаток, но не означающая отказа от типично японских традиций и не нарушающая их внутренней сути.

На практике эффективность кодексов оказалась недостаточной, что было вызвано в экономическом плане развитием частной феодальной земельной собственности, а в политическом — ослаблением реальной власти императора. На смену Тайхо-Еро-рицурё на втором этапе традиционного японского правотворчества приходят отдельные законодательные акты сильных феодальных домов (княжеств — дайматов), пользующихся широким спектром иммунитетных прав. При двух первых сёгунатах (Минамото и Асикага) система княжеских актов получает свое обобщение в общегосударственном масштабе. Это были кодексы сёгунов — Го-сэйбай сикимоку (Судебный кодекс), или Дзэйи сикимоку (Уложение годов Дзэйи) 1232 г., времени правления регентов Ходзё; и Кэмму сикимоку (Уложение годов Кэмму) 1335 г., — являвшиеся, однако, основой управления лишь в землях сёгуна. Основным содержанием этих документов было изложение норм обычного права, систематизированных и приспособленных к уровню развития японского общества. С этого времени в японском средневековом праве получает широкое распространение законодательный прецедент (не судебный)⁹. Законы, изданные прежними сёгунатами, всегда считались первосной последующих уложений. Начинает приобретать значение более глубокое воздействие китайской идеологии (прежде всего в виде конфуцианства), которое достигнет своего апогея в XVII в. Уже в первую из статей Го-сэйбай сикимоку включена цитата из «Лунь юй» Конфуция¹⁰.

Сильный феодальный иммунитет в виде практически автономного местного управления в княжествах получил оформление в разработанных кодексах и судебных актах отдельных княжеств. Но на переходе к третьему этапу, в XV—XVI вв., начинает проявляться поворот от автономии феодального иммунитета к «закону сверху»¹¹. При сохранении ограниченного иммунитета владений крупных феодалов законы их теперь уже не могут противоречить законам правящего дома сёгунов Токугава, хотя формально основные нормативные акты Токугава также считаются действующими лишь в землях сёгуна. Законодательство Токугава — это завершение традиционного японского правотворчества. Влияние китайского законодательства периода династии Мин (1368—1644) было уже значительно опосредовано идеями синтоизма, понимание ряда категорий имело определенную специфику восприятия в Японии. В частности, это влияние, по мнению японских и западных авторов¹², особенно сказалось на составлении законов сёгуна и княжеств (так называемая система какухан, которая, тем не менее, сама по себе является типично японской). Принятие неоконфуцианства в качестве государственной идеологии также оказало весьма существенное воздействие на законодательство, в котором заметно проявляется предельно четкая регламентация и следование принципам этикета рэй (*кит.* ли — ритуал, этикет) — одной из пяти конфуцианских норм поведения.

В эволюции законодательства Токугава выделяются, в свою очередь, три этапа: первый — подготовительный (два последних десятилетия XVI в., формально не относящиеся к периоду правления династии); второй этап — становления законодательства как развитой системы (преимущественно 1603—1615 гг.); третий — его окончательного складывания (в основном до середины XVIII в.). К первому относятся по большей части указы Тоётоми Хидэёси 1588—1598 гг.: «Мибун-но тэйрэй» («О закреплении со-

циальных различий», «Катанагари-но рэй» («Об охоте за мечами») ¹³ и пр. На втором происходит складывание системы сословной регламентации, которая может быть названа сословным законодательством позднесредневековой Японии. Если на первом этапе фиксировались лишь так называемые «феодалные статусы личности», то теперь основная цель — закрепление социальной иммобильности в стране и как средство ее достижения — строгое определение обязанностей всех сословий. Издаются Правила для императорского двора (Киндзю нараби-ни куэ сэхато) 1615 г. — прежде всего для придворной аристократии; Кодекс для военной аристократии (Букэ сэхатто) 1615 г.; Кодекс для военного сословия (Сёси хатто) 1636 г. и кодексы для буддийского и синтоистского духовенства (Сёсюдзини хатто, Сёся нэги каннуси хатто) 1665 г. ¹⁴ Жизнь простого народа определяет множество указов правительства, обращенных к членам крестьянских пятидворок (для горожан — десятидворок), которые учреждаются еще при Тоётоми Хидэёси. Введенные в пятидворках круговая порука в несении фискальных обязанностей перед правительством, наказание за недонесение на членов своей пятидворки усугубляются еще и существованием института мэцкэ (бук. «око») — официального надзора со стороны правительства. Горожанам несколько большее внимание начинает уделяться с середины XVIII в., но и при этом всячески проявляется стремление ограничить развитие общества рамками раз и навсегда установленное в начале правления династии принципа сословного деления: военные — земледельцы — ремесленники — торговцы (си — но — ко — сё), в общем выдержанного в конфуцианских принципах.

Завершение эволюции законодательства Токугава в наиболее концентрированной форме отразилось в двух документах: «Токугава сэйкэн хяккадзё» 1616 г., известном в советской и западной историографии как «Завещание Изясю из ста статей», и «О-садамэгаки хяккадзё» 1742 г. — «Кодекс из ста статей». Первый — это политическое завещание основателя династии своим наследникам, второй — свод уголовного и гражданского права. Вместе они представляют собой изложение установлений прежних сёгунатов и норм обычного права, данное сквозь призму неоконфуцианства и синтоизма, в синтезе следующих единому руслу официальной идеологии. С переориентацией на «закон сверху» при сёгунах Токугава происходят изменения и в принципах практического осуществления права. В XIII в. Ходзё Ясутоки (1183—1242), фактический правитель Японии периода составления Го-сэйбай сикимокю, говорил о необходимости поведения законов до всех, чтобы они не становились для народа «ловушкой, подобной оленьей западне» ¹⁵. Основу законодательной политики Токугава, напротив, выразил принцип «следует выполнять, но не знать» ¹⁶, заимствованный, видимо, у Конфуция: «Народ можно заставить повиноваться, но нельзя заставить понимать почему» ¹⁷ (простолюдину никогда не понять совершенному). До сведения субъекта права (народа) кратко доводилось содержание только того, что запрещалось, а доступ к обобщенным стостатейным документам разрешался лишь виднейшим государственным сановникам (бугё). Эти документы, с разных сторон определявшие основы жизни общества при Токугава, следует рассматривать как последние значительные памятники традиционного права Японии, которые заключают в себе суть сформировавшихся веками феодальных правовых традиций и национального правосознания.

Как утверждают, до середины XIX в. право Японии «не было четко отделено от других социальных норм» ¹⁸, что определило его неразвитость с точки зрения некоторых современных юридических представлений, правовых понятий и права как такового. Однако оказалось вполне возможным рассмотрение законодательства Токугава с точки зрения других категорий западной юриспруденции. Одним из таких примеров можно считать работу Дж. Г. Вигмора ¹⁹. Обязанное прежде всего конфуцианству слияние черт права и правосознания, правовых обязанностей и морального долга, юридических норм и этики, старое японское право нередко вызывает ассоциации, связанные даже с некоторыми из кодексов древности (Законами Солона, 12-ю Таблицами и пр.). В этом сказывается и свойственная еще средневековью вообще определенная нерасчлененность теологических и правовых категорий ²⁰. В то же время несомненно влияние на правосознание современных японцев правовых традиций, действующих и ныне вместе с триадой традиционных религиозно-философских учений (синтоизм, буддизм и конфуцианство) ²¹.

Поскольку письменное право любой страны в своих истоках неизбежно исходит из обычаев, то вполне естественно, что категории письменного права фиксируют и определенные моральные принципы. В свою очередь, это накладывает отпечаток и на правосознание. Однако представляется, что для традиционного японского правосознания характерно несколько большее превалирование морального момента, чем это свойственно традиционному западному правосознанию. И поныне в Японии продолжает ощущаться понимание права как единого комплекса, состоящего из собственно права (яп. хо, кит. фа) и этикета, ритуала (яп. рэй, кит. ли), восходящего к конфуцианским нормам. Взаимодействие морали и права присутствует в правосознании любой нации, но в правовых традициях Японии, а в определенной степени и всего Дальнего Востока, это проявляется более рельефно.

Большое значение имеет понятие гири (от конфуцианского понятия «долг», кит. и, яп. ги) как социальных норм поведения — ответственности внутри коллектива и групповой ответственности коллектива как целого. Исторически характерное для Япо-

нии смещение акцента в понимании конфуцианской сыновней почтительности (ит. ся, ял. ко) в направлении проявления высшей почтительности по отношению к государю означает необходимость проявления почтительности прежде всего к вышестоящему в обществе. Групповая ответственность и почтительность к вышестоящему наиболее четко отражаются в существовании такой системы, как патернализм в сфере производства (оябун — кобун, букв. «родители — дети»), что означает взаимоотношения в рамках конкретного предприятия по принципам большой патриархальной семьи. Связано это и с существованием пожизненного найма. Конфуцианское восприятие семьи как первоосновы государства, покоящегося на принципах той же патриархальности, актуально и в наши дни, хотя нередко оно поддерживается и экономическими рычагами со стороны предпринимателей.

Многие из вышеупомянутых особенностей японского правосознания своим существованием более всего обязаны нормам жизни японского общества при сёгунате Токугава (институт пятидворок с круговой порукой, «сословное» законодательство и пр.). Став с определенного времени тормозом развития страны, законодательство Токугава, тем не менее, поддерживало состояние политической и социальной стабильности в стране на протяжении более чем двух с половиной веков. Это оставило естественный отпечаток на некоторых особенностях характера японского народа даже при весьма активном усвоении черт западной цивилизации. Подобная восприимчивость также происходит из особенностей исторического развития национального самосознания, в частности и такого его аспекта, как правосознание.

Summary

The article deals with some problems of traditional law of Japan as originally Japanese law in some aspects borrowed from China and free of European influence. It outlines the history of statute law of Japan from the 8th to the 18th century, thus practically covering the history of Japanese medieval law.

¹ Noda Yoshiyuki. Introduction au droit Japonais. Paris, 1966. (Инако Цунэо (см. прим. 2, с. 25) отмечает преувеличенные автором ряда особенностей японского права, связанных со значительной ролью морально-этических норм и установок. По-видимому, эти особенности нельзя игнорировать, но нужно иметь в виду большую их значимость в правосознании, а не в праве, которое вполне естественно укладывается в рамки современного буржуазного законодательства. После 1867—1868 гг. на формирование права капиталистической Японии оказало существенное влияние законодательство Франции и Германии, в первой четверти XX в. — Германии и Великобритании, а после 1945 г. — США).

² Инако Цунэо. Современное право Японии. М., 1981.

³ Давид Р. Основные правовые системы современности. М., 1967.

⁴ Сёгун (яп.) — военачальник. Сёгунат как система политического управления существовал с XII в. до середины XIX в.

⁵ Воробьев М. В. Китайское средневековое право и его рецепция в средневековой Японии (до VII в. включительно) // XVII научная конференция «Общество и государство в Китае» (тезисы докладов). Ч. II. М., 1986. С. 110.

⁶ Там же. С. 115.

⁷ Переводы документов см.: Попов К. А. Законодательные акты средневековой Японии. М., 1984.

⁸ Перевод документа см.: Свод законов Тайхорё. Т. 1—2 / Вступ. ст., пер. и комм. К. А. Попова. М., 1985.

⁹ Система общего права, основывающаяся на судебном прецеденте, или так называемом «судейском праве», где прецедент прежних судебных решений позволяет толковать, а порой и изменять закон, не получила распространения в Японии до настоящего времени (см.: Юридический энциклопедический словарь. М., 1984. С. 296).

¹⁰ Сгупр J. I. Tang penal law in early Japan // Center for Japanese Studies. Occasional papers. Ann Arbor, 1953, N 4. P. 101.

¹¹ Исио Ёсихиса. Нихон кодай хо-но кэнкю (Изучение древнего японского права). Токно, 1959. С. 5.

¹² Там же. С. 1, 5.

¹³ Переводы см.: Подпалова Г. И. Крестьянское петиционное движение в Японии во второй половине XVII — начале XVIII в. М., 1960. С. 160—170.

¹⁴ Переводы см.: Там же. С. 171—183.

¹⁵ Исио Ёсихиса. Указ. соч. С. 5.

¹⁶ Инако Цунэо. Указ. соч. С. 31. — Примером отражения этого принципа в правосознании можно, по-видимому, считать существовавшее в позднее средневековье право самурая убить простолюдина, поступившего «не так, как полагалось» (ст. 45 «Завещания Иэясу»). Логично предположение, что «не всегда зная точно, какого поступка... от их ожидают, многие искали выход в словесной неопределенности и уклончивости... гармония лучше, чем правда» (Seward J. Japanese in action. New York; Tokyo, 1984 (1968). P. 38—39). Подобное стремление к гармонии, нежела-

ние противоречить собеседнику является общераспространенным явлением и в Японии наших дней.

¹⁷ Лунь юй. Гл. VIII, разд. 9 (см.: Древнекитайская философия: Собрание текстов в двух томах. Т. 1. М., 1972. С. 155).

¹⁸ Инако Цунэо. Указ. соч. С. 33.

¹⁹ Wigmore J. H. Materials for the study of private law in Old Japan. Parts I—X // Trans. Asiatic Soc. Japan. 1st ser., 1892; Wigmore J. H. Law & justice in Tokugawa Japan. Parts I—X. Tokyo, 1969—72.

²⁰ История политических и правовых учений: Средние века и Возрождение. М., 1986. С. 191—192.

²¹ Rahn G. Recht und Rechtsverständnis in Japan // Entstehung und Wandel rechtlicher Traditionen. München, 1980. S. 279.

Статья поступила в редакцию 13 октября 1986 г.

С. В. Вяткина

Вестник ЛГУ. Сер. 2, 1987, вып. 2 (№ 9)

К ВОПРОСУ О СТАНОВЛЕНИИ ВСТАВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

История становления вставных конструкций (ВК), широко распространенных в современном русском литературном языке, мало освещена в литературе. Цель настоящей статьи — определить время возникновения этих конструкций в письменной речи, явления, лежащие в их основе, выполняемые ими в предложении функции.

Наши наблюдения основываются на материале публицистической и художественной прозы XVIII в.: Петровских ведомостей¹, знаменующих собой начало в развитии общественно-публицистического стиля литературного языка (в них 362 ВК), «Писем из Франции» Д. И. Фонвизина² (16 ВК) и «Писем русского путешественника» Н. М. Карамзина (279 ВК), которые можно отнести к публицистической прозе³, «Пригожей поварики» М. Д. Чулкова⁴ (4 ВК) и повестей Н. М. Карамзина⁵ (57 ВК), являющихся образцами художественной прозы. До XVIII в. вставки не имели в предложении закреплённой позиции, графического оформления скобками или тире. В древнерусских текстах ВК выполняли функции установления последовательности частей текста, указания на источник сообщения, передачи побочных замечаний и дополнительных сведений, они не разграничивались с вводными конструкциями⁶. Материал ораторской прозы, поэзии, научных текстов XVIII в. свидетельствует еще о слабой развитости вставных конструкций⁷.

Каково происхождение вставок? Как отнеслось в литературе, ВК получили свое развитие на основе разговорной речи, где они служат средством выражения добавочных мыслей говорящего. Доказано, что появление вставок вызвано отражением в речи сознания, которое по своему существу не может быть одноплановым. ВК в спонтанной речи оказываются тесно связанными с конструкцией, в которую они включены⁸. Анализ языка прозы не позволяет выявить прямого соотношения разговорных и письменных ВК, но дает возможность проследить принцип их возникновения в тексте.

В XVIII в. ВК служат передаче информации, необходимой для адекватного понимания текста, и для передачи факультативной информации. В первом случае ВК выполняют функции пояснения, уточнения, разъяснения, ссылки на источник информации, во втором — передачи дополнительных сведений, попутных замечаний оценочного и эмоционального характера, авторского комментария при прямой речи.

О функции пояснения можно говорить в тех случаях, когда ВК соотносится с включающим предложением как поясняющее и поясняемое⁹. В «Ведомостях» эта функция реализуется 27,4% ВК, в основном словами и словосочетаниями-эквивалентами, например: «...держанъ былъ въ гузуме генералной конзіліумъ, [совѣтъ] и положено на предъ непрителскую кавалерію... атакіровать [осадить]» (В., 1713, № 2). Такое употребление эквивалентов В. В. Виноградов определил как своеобразную особенность делового публицистического языка Петровской эпохи, как «прием дублирования слов»¹⁰. Видимо, рассмотренные ВК восходят к примечаниям на полях первых рукописных газет¹¹ и их можно считать формой книжных сносок.

В функции уточнения употреблено 6,6% ВК, соотносимых с включающей структурой как общее — частное¹². Заключенные в скобки детерминанты уточняют время, место; обороты с *кроме*, в том числе, однородные члены, определительные придаточные уточняют состав, например: «...и седмаго надесѣть числа (по получении оуказу о) оступлении М помѣнчото браила) паки даудъ призванъ. и оной городъ ему врученъ» (В., 1708, № 13). В таких ВК можно проследить близость к разговорным вставкам, так как они имеют смысловую и синтаксическую связь с включающим предложением, невелики по объему¹³.

44,2% ВК выполняют функцию разъяснения — передают информацию, необходимую для точного и полного понимания текста: раскрывают причины, существо факта.